

2003.01.012. КАРА Х. ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА: РЕАБИЛИТАЦИЯ АБДУРАУФА ФИТРАТА И АБДУЛХАМИТА СУЛЕЙМОНА ЧОЛПАНА В УЗБЕКИСТАНЕ.

KARA H. Reclaiming national literary heritage: the rehabilitation of Abdurauf Fitrat and Abdulhamid Sulaymon Чолпан in Uzbekistan// Europe-Asia studies. – Glasgow, 2002. – Vol. 54, N1. – P. 123–142.

Халим Кара (Университет Бogaздыжы, Турция), участвовавший в 1997 г. в торжествах в Ташкенте и Андижане, посвященных столетию со дня рождения Чолпана, и защитивший диссертацию в Университете штата Индиана (США), о его творчестве, напоминает о возрождении интереса к джадидизму в независимом Узбекистане. “Чолпан и Фитрет – самые известные и противоречивые джадидские лидеры – считаются первыми выразителями узбекской идентичности, поскольку они заложили фундамент развития узбекской литературы, языка и национального самосознания” (с. 124).

Фитрат, родившийся в купеческой семье в Бухаре, получил там же религиозное образование, затем учился в университете в Стамбуле, где познакомился с идеями младотурок. Вернувшись на родину, играл видную роль в политической, литературной и просвещенческой деятельности джадидов до и после Октябрьской революции, в 1918 г. создал Чагатайскую дискуссионную группу, стремившуюся создать современный язык на базе чагатайского языка и литературы, в начале 20-х годов был министром образования Бухарской советской республики. В его пьесах, рассказах, поэмах начинает все более звучать недовольство господством Советов, что вызывало ответную критику и заставило сосредоточиться на преподавании в университете. Чолпан, родившийся в богатой семье в Андижане, получил и религиозное, и светское образование. Он, так же как Фитрет, вначале принял Октябрьскую революцию и работал в разных советских организациях и журналах, но с 20-х годов в его поэзии и прозе аллегорическим языком выражается несогласие с советской властью, ее социальной и культурной политикой. В ответ пролетарские критики, признавая его заслуги в развитии современной узбекской поэзии, атаковали Чолпана за близость к джадидизму, буржуазный национализм.

В 1937 г. Фитрет и Чолпан арестованы, 4 октября 1938 г. вместе с группой других узбекских интеллигентов расстреляны, за день до того, как были приговорены к высшей мере по обвинению в принадлежности к антисоветской националистической организации и связь с иностранными

разведками. 20 лет их произведения не издавались и не обсуждались. После 1956 г. их стали упоминать в исследованиях узбекской литературы, продолжая обвинять в буржуазном национализме, пантюркизме, антисоветизме.

Положение изменилось с приходом гласности в горбачёвский период. Писатель Т.Полатов на заседании Союза узбекских писателей в октябре 1986 г. предложил создать комиссию по изучению наследия Фитрата и Чолпана. Комиссия постановила начать публикацию работ в 1987–1989 г. Эти публикации сопровождалась купюрами цензуры, в критических статьях указывалось на противоречивость их взглядов: они приняли Октябрьскую революцию, выступали против феодальных и религиозных предрассудков, тем самым способствуя социалистическому строительству в Узбекистане, но одновременно в ряде работ выражали националистические и пантюркистские взгляды, не понимая марксистско-ленинскую методологию. В завязавшейся дискуссии критики, сделавшие карьеру на поношениях Фитрата и Чолпана, продолжали настаивать на их ошибках, тогда как Н.Каримов, М.Кошижонов и другие требовали их полной реабилитации. Автор полагает, что подобные дискуссии периода гласности способствовали “постепенной мобилизации узбекской интеллигенции против советского владычества” (с.132), помогали формированию национальной идентичности народов Узбекистана.

Дискуссии о роли Фитрата и Чолпана в независимом Узбекистане приобрели совсем другой характер – “узбекская литературная элита стала иначе смотреть на российско-советское имперское правление”, поэтому работы Фитрата и Чолпана начали переиздаваться без всякой цензуры, включая те из них, в которых критиковалась разрушительная российская и советская политика в Центральной Азии (ЦА) в начале XX в. (с. 133). Литературоведы отныне называли обоих писателей величайшими представителями современной узбекской литературы, причем О.Шарифутдинов, Н.Каримов в статьях на узбекском языке относили к числу их достоинств именно критику советской власти. Многие литературоведы начали пропагандировать равнозначность царского и советского режимов в ЦА, упрощать взаимоотношения между местными туркестанскими лидерами и большевиками даже в большей мере, чем западные авторы Р.Кокс, Элен Каррер д’Анкокс (с.142).

В независимом Узбекистане вполне унаследована советская литературная традиция полного восхваления или отрицания сложной действительности, что и было применено к творчеству Фитрата и Чолпана. «В

советский период они были политически неприемлемы в свете марксистско-ленинской идеологии, однако с середины 90-х годов их стали “идеализировать” и “обожествлять”..., подчеркивать литературные достоинства их работ и великий вклад в литературное наследие Узбекистана, чтобы поощрить культурно обоснованную национальную идентичность. Однако большинство критиков игнорировали литературные недостатки, сложность жизни и творчества Фитрата и Чолпана..., утверждая, что они никогда не принимали советские ценности и советский образ жизни. В действительности ряд работ Фитрата и Чолпана показывают просоветские и антирелигиозные чувства и взгляды» (с.136–137).

Таким образом, заключает автор, дискуссии о политическом и литературном статусе Фитрата и Чолпана сыграли важную роль в десоветизации узбекского национального сознания. Процесс создания новой национальной идеологии независимого Узбекистана включал возрождение традиций узбеков, их истории, возврат к духовным ценностям досоветской, дороссийской и даже доисламских эпох. Этот пересмотр относился и к полной реабилитации, переизданию всех работ Фитрата и Чолпана.

С.И. Кузнецова